

Научная статья
УДК 801.73
<https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.20>

Рецепция античного мифа об Эдипе в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия»

Мария Павловна Самойлова

Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород, Россия,
marysom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9035-3664>

Аннотация. Статья посвящена анализу рецепции мифа об Эдипе в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия». Рассматриваются образы, идеи и античные ценности, которые оказались в центре внимания писателя. Автор анализирует условия создания романа, сюжет и образы героев с точки зрения возможности с помощью античных образов по-новому оценить окружающую действительность. М. Кундера философски осмыслил миф об Эдипе в современных ему условиях. Особенностью рецепции античного мифа об Эдипе, произведенной М. Кундерой, являются отсылки к античному произведению на протяжении всего романа. С помощью рецепции античности писатель размышляет над актуальной проблемой политической культуры современной ему Европы, а именно проблемой признания вины и несения ответственности за поступки прошлого. Посредством рецепции античности писателем анализируются отношения полов в западной культуре конца XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: Милан Кундера, миф об Эдипе, рецепция, античность, любовь, ответственность, свобода

Для цитирования: Самойлова М.П. Рецепция античного мифа об Эдипе в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 119–123. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.20>.

Original article

Reception of the ancient Oedipus myth in Milan Kundera's novel "The Unbearable Lightness of Being"

Mariya P. Samoilova

Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia,
marysom@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9035-3664>

Abstract. The author analyzes the reception of the Oedipus myth in Milan Kundera's novel "The Unbearable Lightness of Being". The images, ideas and ancient values that were in the center of the writer's attention are considered. The conditions for creating a novel, the plot and the images of the characters from the point of view of the possibility of using ancient images to evaluate the surrounding reality in a new way are analyzed. The author analyzes the way Milan Kundera philosophically interpreted the Oedipus myth in modern conditions. Special features of the reception of the ancient Oedipus myth, produced by Milan Kundera, are references to the ancient work throughout the novel. Through the reception of the ancient world, the writer reflects on the pressing issues of the political culture of modern Europe, namely, the problem of admitting guilt and taking responsibility for the actions of the past. Through the reception of the ancient world, the writer analyzes the relations of the sexes in Western culture of the late XX – early XXI centuries.

Keywords: Milan Kundera, Oedipus myth, reception, ancient world, love, responsibility, freedom

For citation: Samoilova M.P. Reception of the ancient Oedipus myth in Milan Kundera's novel "The Unbearable Lightness of Being" // Society: Philosophy, History, Culture. 2021. No. 8. P. 119–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.20>.

Рецепция античного наследия – непрерывный процесс в развитии западной культуры. К античности на протяжении всей истории обращались философы, художники, писатели. Вся западная культура эпох, следующих после античности, проникнута элементами, созданными в античную эпоху. Наиболее ярко восприятие и интерпретация античного наследия происходили в эпоху Возрождения, когда нормы античной культуры получили новую жизнь: античные образцы стали высокой нормой, на которую ориентировались, не только создавая шедевры человеческой красоты, но и в духовной жизни. Античный идеал внутренней свободы определял стремления мыслящих людей и их творчество. Позднее, в период классицизма происходила рецепция античных

норм гражданской жизни; авторы художественных произведений обращались к красочной, богатой античной мифологии. Для художественной культуры XX в. интерес к античности также оставался постоянным, античное наследие по-прежнему вдохновляет творцов и интеллектуалов.

XX в. стал веком двух мировых войн, уже в его начале интеллектуалы рассуждали о наступающем кризисе, который проявлялся в упадке традиционных ценностей и потере ориентации на человека в духовной жизни. В таких условиях обращение к античной культуре казалось одной из возможностей сохранить культурную идентичность. Традиционно наиболее востребованным у художников, писателей, философов был античный миф, который в течение длительного времени выступал в качестве основы творчества, источника сюжетов и образов.

Особенное место в западной культуре занял миф об Эдипе, он стал широко известным благодаря работам Фрейда. Актуальность этому мифу придавала проблематика преступления и наказания, осознания вины и утверждения правды, интересная всем людям во все времена. Это стало причиной того, что миф об Эдипе достаточно широко представлен в художественном творчестве, в том числе в художественной культуре XX в.

Интерпретация мифа об Эдипе в западной художественной культуре не раз становилась предметом изучения современных ученых. Так, например, в публикации Т.С. Нип и Е.В. Филипповой анализируется мотив судьбы в репрезентации мифа об Эдипе в литературных произведениях различных авторов XX в. Авторы публикации анализируют литературную адаптацию мотива судьбы в произведениях авторов XX в., таких как Ж. Кокто, А. Жид, С. Беркофф, Л. Арагон, А. Бошо, и приходят к выводу о том, что в XX в. главенствовало понимание судьбы как враждебного для человека начала. Судьба человека трактовалась как череда страданий, ведущих героя к познанию себя через обретение правды. Интерпретация мотива судьбы приводит авторов публикации к выводу о том, что в этом романе миф об Эдипе приобретает социально-политическую направленность [1, с. 73–74]. В данной публикации авторы сосредоточились не на самом миф об Эдипе, а на проблематике судьбы и ответственности.

Предметом специального анализа сделала проблематику мировосприятия и социальной адаптации в романе М. Кундера Н.И. Быкова [2]. Особое внимание автор данной публикации уделяет интерпретации мифа об Эдипе, которая, по ее мнению, позволяет понять мировоззрение героев романа. Н.И. Быкова обращает внимание также на важность мифа об Эдипе для восприятия образа Терезы, которая представляется М. Кундерой как персонаж, которого спасает главный герой, подобно царю Полибу, спасшему маленького Эдипа [3, с. 33].

Таким образом, проблематика рецепции и интерпретации мифа об Эдипе в романе М. Кундера затрагивалась некоторыми авторами при анализе других аспектов содержания романа, однако собственно интерпретация мифа не стала в данных публикациях предметом специального анализа.

Тем не менее, роман М. Кундера «Невыносимая легкость бытия» (1984) интересен именно в качестве варианта рецепции и интерпретации мифа об Эдипе в европейской культуре XX в. как один из примечательных вариантов этого явления на фоне других версий, например, в драме Ж. Кокто «Адская машина», в фильме П. Пазоллини «Царь Эдип», в драме Ж. Жироду «Электра» и др.

Кундера не переписал историю Эдипа Софокла, но философски осмыслил миф в условиях современной ему действительности. К произведению античного драматурга Кундера апеллирует несколько раз на протяжении всего романа. Трактовка мифа об Эдипе главным героем в невыгодном для господствующего режима ключе резко меняет его судьбу, которая при критическом прочтении романа сама напоминает судьбу греческого героя.

Милан Кундера – известный чешский писатель, с 1975 г. живущий во Франции и с 1990 г. публикующий романы на французском языке. Кундера получил признание после выпуска своего собрания стихов, а также сборника прозы, опубликованных с 1958 по 1968 гг. Его политические взгляды выражали антисоциалистическую и даже антирусскую позицию [4, с. 121]. После ввода войск в Чехословакию в августе 1968 г. Кундера принимал участие в ряде демонстраций и собраний протеста, за что был лишен возможности преподавать. Его книги были изъяты из чешских библиотек, публикация его произведений была запрещена. Эмигрировав во Францию, Кундера получил место профессора в университете и продолжил писать и публиковаться.

Роман «Невыносимая легкость бытия», который «западная критика относит к лучшим образцам современной прозы» [5, с. 99], был написан во Франции, но еще на чешском языке. Судьба Томаша, «интеллектуала», как называет его автор, напоминает его собственную судьбу. По признанию писателя, прозвучавшему в романе, его герои – его собственные неосуществленные возможности. «Легкая» и вольная холостяцкая жизнь уважаемого специалиста с приличной зарплатой, реализующего свою жажду познания мира с помощью «эротической дружбы» с мно-

гочисленными любовницами, а также «тяжелая» семейная жизнь любящего и любимого мужчины, пожертвовавшего ради правды своей карьерой, – две возможности Милана Кундеры, соединившиеся в жизни его литературного героя.

«Легкое» и «тяжелое» – два полюса, между которыми проходит жизненный путь героев. Кундера спорит с древнегреческим философом Парменидом, в противопоставлении которого пара понятий легкость–тяжесть соотносится с парой категорий позитивное–негативное, предлагая пример «позитивного», хотя и «тяжелого» опыта человеческой судьбы. Томаш вел легкую беззаботную жизнь врача-интеллектуала, глубоко уважаемого в Праге, пока не встретил любимую женщину, появление которой способствовало изменению его образа жизни и образа мыслей.

Несмотря на то, что Тереза стала его единственной любовью, жизнь с ней доставляла Томашу много хлопот. Ее ревность и непонимание того, что «любовь и физическая близость – вещи абсолютно разные» [6, с. 172], страдания и кошмары с участием множества женщин любимого человека, вызывали сочувствие у мужа. Томаш с трудом переносил тяжесть, которой стала для жены легковесность его «эротической дружбы» с другими: «ее ревность была для Томаша отнюдь не Нобелевской премией, а тяжким бременем, от которого он избавился лишь незадолго до смерти» [7, с. 70]. Однако избавился он от него не по собственной воле, а лишь потому, что они уехали в деревню, где не было возможности иметь тайных любовниц.

У Томаша, который даже ради любимой женщины и далее уже жены не хотел изменить своим принципам свободных отношений, любовницы стали вызывать неприязнь, и он уже не мог сблизиться с ними без спиртного. Страдания жены причиняли ему боль. Когда из оккупированной Чехословакии они уехали в Швейцарию, Тереза не вынесла одиночества, измен мужа и осознания того, что является его «бременем» и вернулась домой. Вдохнув свободы, но, не выдержав разлуки с женой, Томаш поехал за ней, избрав тяжесть жизни на родине и отказавшись от легкости швейцарского бытия. Случайное появление в его беспечной жизни Терезы Томаш сравнивает со случайным, но роковым моментом в истории Эдипа, когда он младенцем был оставлен в лесу и найден людьми своего приемного отца. Кундера называет эту метафору опасной. Как пишут американские литературоведы Пичова и Райн, появление Терезы таило в себе больше опасностей, чем бремя любви [8, р. 71].

Томаш вспоминает сеть случайностей, которые привели его в провинциальный город, где он познакомился с официанткой Терезой. Этот «ребенок, которого он вынул из просмоленной корзинки и опустил на берег своего ложа» [9, с. 13–14], лишил его жизнь легкости, но позволил познать истинную любовь. Так же и Эдипу случайности, обнаруженные в ходе дознания, открыли для него тяжесть его преступлений, но и явились источником прозрения, позволив ему узнать правду о своем прошлом и настоящем, а также о нравственном смысле жизни.

Томаш считал, что любовникам могут принести счастье «лишь те отношения, в которых нет ни следа сентиментальности и ни один из партнеров не посягает на жизнь и свободу другого», то есть пространство физической близости, в котором нет места «агрессии любви» [10, с. 20]. И, тем не менее, он вступил в длительные отношения с Терезой. Приняв на себя ответственность семейного человека, он принял на себя тяжкое бремя, но получил любовь. Так и Эдип принял на себя ответственность за невольно совершенные преступления, приговорив себя к изгнанию, но получив при этом прозрение.

Искренность и прямота жены не позволили герою унижить свое достоинство и отказаться от своих слов, содержащихся в письме в журнал, которое вскоре было опубликовано. В статье, написанной во время «Пражской весны» 1968 г., Томаш высказывает мнение, идущее в разрез с политическим режимом Чехословакии. Проблемы исторической ответственности, вины и возмездия, мести и прощения, затронутые в статье, важны и для самого Кундеры, который возвращается к ним во многих своих произведениях [11, с. 100]. Томаш вспоминает историю софокловского Эдипа, пытаясь ответить на вопрос, виноваты ли те, кто вверг страну в бедствия тоталитарного режима, если они не понимали его сути.

Словами Томаша автор показывает, что коммунистические режимы в Центральной Европе были созданы не преступниками, а энтузиастами, убежденными в том, что эти режимы принесут всеобщее благо. Когда оказалось, что энтузиасты-коммунисты стали убийцами, они защищали себя тем, что были обмануты и не знали, к чему приведут их действия. Томаш был уверен в том, что среди коммунистов были как сведущие люди (знавшие об «ужасах», творившихся в послереволюционной России), но он также понимал, что большинство чешских коммунистов действительно могли быть в неведении. Однако Томаш сказал себе, что главное не то, знали они или нет. Автор поставил вопрос иначе: «можно ли считать человека неповинным лишь на том основании, что он не знает? Разве глупец, сидящий на троне, освобожден от всякой ответственности лишь потому, что он глупец?» [12, с. 209].

Герой вспоминает историю Эдипа и использует ее для аргументации своих выводов. Эта метафора также стала для него опасной. Пичова и Рейн подчеркивают, что в романе Кундеры «драма Софокла служит важным интертекстом, появляясь в ключевых сценах в качестве катализатора действий» [13, р. 72]. Томаш прочитывает миф, не оставляя сомнения в вине Эдипа и в верности его решения наказать себя, акцентируя внимание читателя (возможно, не читавшего Софокла) лишь на преступлении Эдипа, который «не почувствовал себя безвинным» [14, с. 209], выколол себе глаза, чтобы не видеть детей, сотворенных греховным браком, и ушел из Фив. На такую же участь, по мнению Томаша, должны обречь себя коммунисты, пусть и не ведавшие, что они творят. Мысленно Томаш обращался к ним с упреком: «по вине вашего неведения эта страна, возможно, на века потеряла свободу, а вы кричите, что не чувствуете за собой вины? Как же вы можете смотреть на дело рук ваших? Как вас не ужасает это? Да, есть ли у вас глаза, чтобы видеть? Будь вы зрячими, вам следовало бы ослепить себя и уйти из Фив!», – восклицает Кундера со своих антисоветских политических позиций [15, с. 209–210]. Эти взгляды он выразил в письме, сокращенный текст которого был опубликован и вызвал много дискуссий, критики и привел к отрицательным последствиям в жизни героя.

Конечно, коммунисты не выкололи себе глаза, на такое жестокое самонаказание может решиться или мифологический герой, или предельно благородный и поистине прозревший человек. Томаш не выколол себе глаза, увидев, каким кошмаром сделалась для его жены жизнь из-за его многочисленных любовных связей. Он не отказал своему телу в удовольствии ради спокойствия души той, кого он любил.

Однако Томаш пострадал из-за высказанного мнения. Он не учел того, что миф об Эдипе может быть всеми истолкован по-разному. Его обвинили в призыве к террору и потребовали опровержения. Герой был поставлен перед жестоким выбором: отказаться от профессии врача, дела всей своей жизни, или унизиться, не только став объектом насмешек тех, кто не отличается мужеством, но и потеряв лицо в собственных глазах. Он отказался подписать опровержение и лишился места хирурга в больнице, став терапевтом в пригородной клинике.

Через некоторое время ему предложили подписать новый документ, содержание которого было гораздо серьезнее отречения от своей критики коммунистов: от него требовали признания в любви к коммунистической партии, осуждения интеллектуалов, разжигавших гражданскую войну (по сути таких же интеллектуалов, как и он сам) и доноса на редакторов, сокративших его оригинальный текст, на которых он невольно навел «человека из министерства». Томаш снова отказался и стал мойщиком окон.

Подобно Эдипу, находившему все более убедительные доказательства вины, которые приближали его к прозрению, Томаша призывали подписывать все новые, «утяжеленные» тексты, невольно испытывая его на прочность. К герою снова пришли по поводу этой статьи. Его снова просили подписать документ, но на этот раз составленный противниками коммунистического режима. Томаша уговаривали подписать петицию в защиту политзаключенных, которые отстаивали свое мнение. Эту петицию об их освобождении и должны были подписать интеллектуалы, остающиеся на свободе. Томаш задумался: может ли благодаря этой петиции произойти амнистия заключенных или, скорее, она приведет к еще худшему положению вещей? Томаш оказался перед выбором, подобным выбору Эдипа, пришедшего в Колон, поддержки которого просил каждый из враждующих между собой его сыновей. Томаш колебался, но собирался подписать документ, преследуя не политические, а личные цели: он хотел поддержать сына, с которым впервые разговаривал, и который просил его о помощи.

Однако сын его раздражал тем, что похож на него и тем, что не совсем верно понял его статью. В споре с сыном Томаш выносит уже другое суждение: «Границы между добром и злом невероятно стерты. Наказывать кого-то, кто не ведал, что творил, не что иное, как варварство» [16, с. 264]. Пытаясь объяснить с вызвавшим его редактором и сыном, Томаш вспомнил о Терезе. Жизнь любимой женщины, которая, подпиши он бумаги, была бы теперь в опасности, представлялась Томашу гораздо важнее, чем политика: «Томаш не может спасти политзаключенных, но может сделать Терезу счастливее. И даже это ему не удастся» [17, с. 266]. Томаш и на этот раз не стал подписывать текст, который составили без него. Так и Эдип не стал принимать сторону ни одного из своих сыновей, понимая, что тем самым он не избавит Фивы от войны.

Личные отношения Томаша и Терезы обрели гармонию в деревне, куда они уехали, опасаясь очередных провокаций со стороны противоборствующих сторон. Через некоторое время они погибли в автомобильной аварии. До конца своей жизни Томаш ощущал тяжесть своей любви. Через несколько лет брака Томаш осознал, что в его желании обладать множеством разных женщин скрывалась зависимость, некий императив, даже обязанность. Только благодаря Терезе он понял, что лишь в любви человек ни от кого не зависит: «Любовь это наша свобода» [18, с. 288]. Таким образом, прозрение Эдипа для Томаша обернулось прозрением любви и свободы.

Особенностью рецепции античного мифа об Эдипе, произведенной Миланом Кундерой, являются отсылки к античному произведению на протяжении всего романа, позволяющие понять взгляд автора на политическую ситуацию на его родине, а также его концепцию отношений с противоположным полом, получившую широкое распространение в западной культуре во второй половине XX в. С помощью рецепции античности писатель размышляет над актуальной проблемой политической культуры современной ему Европы, а именно проблемой признания вины и несения ответственности за поступки прошлого. Посредством рецепции античности писатель анализирует отношения полов. Определяющей ценностью современной западной культуры утверждается любовь.

Таким образом, рецепция античности в западной художественной культуре XX – начала XXI вв. является инструментом, с помощью которого деятели культуры анализируют и пытаются решить актуальные проблемы современности, отражают мировоззрение и систему ценностей современного человека и призывают современников к саморефлексии, активной позиции и вниманию к нравственным категориям бытия.

Список источников:

1. Нипа Т.С., Филиппова Е.В. Особенности репрезентации мифа об Эдипе в зарубежной литературе XX в.: трансформация мотива судьбы // Сибирский филологический форум. 2019. №3 (7). С. 67–79. 10.25146/2587-7844-2019-7-3-19.
2. Быкова Н.И. Проблема мировосприятия и социальной адаптации в романе Милана Кундера «Невыносимая легкость бытия» // *Litera*. 2016. № 4. С. 52–63. 10.7256/2409-8698.2016.4.21063.
3. Быкова Н.И. Библейские и мифологические аллюзии в образе Тереза в романе Милана Кундера «Невыносимая легкость бытия» // *Тенденции развития науки и образования*. 2020. № 68-6. С. 31–33. 10.18411/lj-12-2020-229.
4. Шерлаимова С.А. Милан Кундера и его романная философия. М., 2014. 272 с.
5. Бернштейн И. Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия // *Современная художественная литература за рубежом*. 1990. № 2. С. 68–75.
6. Кундера М. *Невыносимая легкость бытия*. СПб., 2002. 352 с.
7. Бернштейн И. Указ. соч.
8. Pichova N., Rhine M.E. Reading Oedipus in Milan Kundera's "The Unbearable Lightness of Being" // *Comparative Literature Studies*. 1997. Vol. 34, No. 1. pp. 71–83.
9. Кундера М. Указ. соч. С. 13–14.
10. Там же. С. 20.
11. Бернштейн И. Указ. соч. С. 100.
12. Кундера М. Указ. соч. С. 209.
13. Pichova N., Rhine M.E. Op. cit. P. 72.
14. Кундера М. Указ. соч. С. 209.
15. Там же. С. 209–210.
16. Там же. С. 264.
17. Там же. С. 266.
18. Там же. С. 288.

Информация об авторе

М.П. Самойлова – кандидат исторических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Славяно-греко-латинский кабинет Приволжского федерального округа» при Нижегородском государственном лингвистическом университете, Нижний Новгород, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644657.

Information about the author

M.P. Samoilova – PhD in History, Associate Professor, Director of the scientific and educational center Slavic-Greek-Latin Cabinet of the Volga Federal District, Linguistic University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644657.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.08.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 13.08.2021.